

Революция – это прежде всего оправдание зла

XX век стал временем жесточайших гонений на веру. История убедительно и неоднократно показала, что революция и безбожие – неразрывно связанные понятия, считает ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир ВОРОБЬЕВ

Университет, который возглавляет отец Владимир, носит имя патриарха Тихона, причисленного в 1989 году к лику святых. А главное здание университета – это построенный еще в начале XX века Московский епархиальный дом, где проходили заседания исторического Поместного собора, который осенью 1917 года принял решение о восстановлении патриаршества.

Время подвига

Восстановление патриаршества пришлось на то время, когда верующие люди – священники и простые миряне – оказались перед очень сложным выбором...

Выбор был, в сущности, прост: либо добровольно решиться на подвиг во имя веры, либо оставаться равнодушным обывателем, либо, наконец, стать предателем. Очень многие епископы и священники, монахи и миряне выбрали путь подвига. В этой готовности к подвигу и проявился подлинный дух церковности. Очень быстро стало приходить понимание, что наступила катастрофа, потому что вскоре начали убивать инакомыслящих, в частности духовенство, потом вскрывать мощи святых, потом изымать церковные ценности, закрывать и отбирать храмы. Это было непрерывное наступление воинствующего атеизма, без передышки. Сплошное насилие, кровь...

При этом Церковь с самого начала занимала нейтральную позицию в гражданском конфликте, призывала стороны отказаться от кровопролития. Не правильнее ли было избрать более определенную позицию, а иными словами, резко выступить против большевиков как

против богоборческой власти, которая несет угрозу и обществу в целом, и Церкви?

Патриарх Тихон (Беллавин) и Поместный собор неоднократно бесстрашно выступали против богоборчества как идеологии, против жестокостей, гонений, убийств и насилия. Но призывать к братоубийственной войне Церковь не хотела. Ведь сначала на стороне большевиков было много обманутых их лозунгами людей. При таком разделении народа Церковь не могла поддерживать войну одной его части против другой. Она, наоборот, призывала людей к миру, призывала перестать убивать друг друга.

С позиций сегодняшнего дня это не было ошибкой? Все-таки противники большевиков, при всех своих различиях, по отношению к Церкви, как правило, были более терпимыми. Белое движение более уважительно к Церкви относилось, и таких гонений, таких преступлений, вероятно, при белых не произошло бы...

Белое движение не было враждебным по отношению к Церкви, но считать, что Гражданская война со стороны белых шла за православную веру, наверное, было бы не вполне правильно, потому что белые тоже очень часто проявляли себя не по-христиански. Были и расправы, и жестокость была. Большевики обманули народ своей демагогией – лозунгами «Свобода, равенство, братство», «Земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным» и т. д. А что предлагали белые? Они просто воевали с красными «за Русь святую», но четкой позиции у них не было. Какой они хотели сделать Россию? В этом смысле у них был весьма ощутимый идейный и духовный вакуум, что делало их слабыми и в конечном счете предопределило их поражение.

Церковь же заняла самую христианскую позицию: она призывала к примирению, к прекращению вражды и братоубийственной войны.

Расплата за грехи

Существуют две противоположные точки зрения относительно того, кто формировал, как сейчас говорят, «антирелигиозную повестку» революции. Есть мнение, что это большевики распропагандировали широкие народные массы и те пошли за ними. Но есть и другой взгляд, в соответствии с которым население к тому времени уже само прониклось богоборческими идеями, более того, большевики во многом следовали в русле этих антиклерикальных настроений, охвативших значительную часть общества. Откуда, как вы считаете, все это шло?

Я думаю, что это очень сложный процесс, который, конечно, начался гораздо раньше, чем произошла революция. Весьма расцерковленным, нравственно распущенным сословием было дворянство. В этот процесс оказались вовлечены и выходцы из церковной среды. Вы помните, наверное, что очень большое число революционеров вышло из духовных семинарий?

Поповичи так называемые.

Да. Это же не случайно. Это свидетельствует о том, что официальная церковность в то время вызывала протест даже у представителей духовного сословия. В итоге возникло настроение, выражавшееся не только в готовности реформировать церковную систему, но и просто в отрицании ее права на существование. Это факт, который нельзя не учитывать.

Если же говорить о простом народе, то наиболее православными были, безусловно, духовное сословие, крестьянство и купечество. Впрочем, что касается крестьян, которые составляли 80% населения страны, то, хотя в основном они и были носителями православия, долгая история крепостничества не прошла для них даром. В известном смысле они были предуготовлены если не к революции, то к какому-то очень глубокому внутреннему протесту. Отмена императором Александром II крепостного права явно запоздала. Отсюда эта готовность к бунту, «бессмысленному и беспощадному», к войне против вековой несправедливости, рабства, последствия которого к 1917 году до конца еще не были преодолены.

А вот послереволюционные антицерковные погромы уже нельзя назвать народным движением. Наоборот, народ везде и всюду вставал на защиту Церкви и священников, был на их стороне. Расправы чинили карательные отряды большевиков-красноармейцев, в то время ставшие

настоящими разбойничьими бандами. Не все, конечно, одинаково озверели, а именно те, кто входил в эти карательные отряды.

Можно ли считать гонения на Церковь расплатой за грехи и если можно, то за какие именно?

Безусловно можно. Наши мученики очень часто так и говорили, что «это нам все послано по нашим грехам», имея в виду не только свои личные грехи, но и грехи всего народа и, в частности, грехи церковных людей.

Грехов было много. Например, крепостное право означало, что власть имущие взяли в рабство свой народ! Другие обращали в рабство чужие народы, если кого-то завоевывали, а у нас свой народ обратили в рабов. Что это такое? Были грехи и внутри Церкви. У епископа Игнатия (Брянчанинова), прославленного в лике святителей, есть замечательная статья, посвященная будущему Собору. В середине XIX века, когда ее писал владыка Игнатий, уже были мысли о возрождении поместных соборов, ведь они не созывались с петровского времени и управление в Церкви, лишенной патриаршества, во многом определялось царскими решениями через обер-прокурора Святейшего синода. И святитель Игнатий пишет о том, в каком тяжелом состоянии находились тогда русские монастыри, да и вся вообще церковная жизнь. Как преподавался Закон Божий, если в результате столько атеистов появилось?! Он же повсеместно преподавался, а результат получился противоположный. Даже если люди не объявляли себя атеистами, то они во всяком случае переставали быть церковными людьми. Причащались раз в год. И это веками! Что это? Ведь по апостольским правилам человек, если он не причащается больше трех недель, считается отпавшим от Церкви. А в России нормой было причастие один раз в год – общее правило для всего государства. И много еще таких явлений можно вспомнить – совершенно ужасных, которые привели к ослаблению веры, к тому, что вера в народе становилась бытовой. Так что расплачиваться было за что.

«Это обман, клевета и кощунство»

Как вы думаете, в чем главная причина начавшихся гонений на Церковь? Сейчас можно часто услышать такое мнение, что вот если бы

в политике большевиков не было богоборческой составляющей, то многие люди готовы были бы принять большевизм, потому что провозглашались и справедливость, и равенство, и просвещение, и модернизация. И если бы не богоборчество, эта власть очень многих устроила бы в принципе.

Ну, это наивность какая-то, незнание истории! Богоборческой составляющей не могло не быть. Революция всегда движется энергией богоборчества. Как говорят в Церкви, дьявол – это первый революционер. Сама идея революции – идея богоборческая.

Почему так? Потому что любая революция становится актуализацией колоссального зла – ненависти, зависти, желания отнять чужое и присвоить себе якобы во имя всеобщей справедливости. Все зло, которое подспудно существует в людях, в такие моменты вырывается наружу, и начинаются убийства, расправы, бесконечная цепь преступлений. Убивают ни в чем не повинных людей, издеваются над женщинами и детьми. Причем эти преступления не осуждаются, а, наоборот, именуются героизмом, связываются со «справедливой борьбой за светлое будущее» и т. д. Но это – лживое оправдание зла. Так что революция – это прежде всего апофеоз зла. История разных стран убедительно свидетельствует об этом, но только у нас, в России, это зло и преступление достигло какого-то невероятного масштаба.

Поэтому Церковь всегда против революции. Церковь говорит, что это грех, этого допускать нельзя! А если Церковь против революции, то революционер всегда будет против Церкви. Если революционер решился на насилие, то понятие греха ему мешает. Чтобы свободно совершать преступления, которые считаешь необходимыми для достижения цели, нужно отказаться от веры в Бога. Поэтому революция и безбожие – неразрывно связанные понятия. Более того, отрицание Бога и есть первая революция, безбожие – необходимая составляющая революции, и для того, чтобы ее осуществить, нужно тех, кто проповедует Закон Божий и говорит, что революция – это беззаконие, попросту убрать с дороги.

Мы сейчас живем в странном мире, где многое перепутано. Вот вы говорите, что дьявол – первый революционер, а современные наши коммунисты говорят, что Иисус Христос – первый коммунист. Как вы считаете, это богохульство?

Это обман. Коммунисты – революционеры по своей природе, а Христос не был революционером! Революционер – это тот, кто хочет свергнуть существующую власть и захватить ее. А помните, каким был Вход Господень в Иерусалим? Когда народ принял Господа как царя, идущего взять власть, Он пришел в храм и начал проповедовать, отказавшись от власти. Он мог бы прийти в Иерусалим и объявить себя царем, и народ, несомненно, был бы за Него. Но Он этого не сделал. Он, наоборот, отдал Себя на страдание и распятие. Так что говорить, что Христос – революционер, – это обман, клевета и кощунство. И коммунистом Христос не был уже потому, что не был революционером. А коммунисты – революционеры. То, что коммунисты взяли некоторые заповеди Христа и превратили их в свои лозунги, при этом отвергнув самого Христа с Его учением, никак не может означать, что Христос был коммунистом. Все это – обычные для них лукавство и демагогия.

Геноцид православного русского народа

С 1989 года Церковь начала процесс канонизации новомучеников и исповедников: сегодня к лику святых причислено 1776 человек. Этот процесс будет продолжаться? Какая часть этого пути пройдена, если можно так выразиться?

Можно сказать, что, по самым строгим оценкам, за веру было репрессировано порядка 100 тыс. человек, хотя на самом деле, конечно, гораздо больше. Но канонизировать всех пострадавших за веру поименно невозможно уже потому, что в подавляющем большинстве случаев их имена остаются неизвестными.

Названное вами ориентировочное число пострадавших за веру охватывает все годы советской власти?

Да. Но при этом не учитываются административно-ссылные, а также члены семей репрессированных людей. В современных мартирологах очень

часто мы находим такие сообщения: репрессирован священник, его арестовали, увезли в тюрьму, а матушку с пятью маленькими детьми выбросили на улицу. Что с ними стало? Они голодали, им негде было ночевать, они замерзали. Или их схватили и отправили куда-то на север. И в результате они умерли все. Но ведь они не проходят ни по каким делам, их нет ни в каких документах, понимаете? Отец-священник попал в базу данных о пострадавших, а про матушку и детей никто ничего не знает. Их судьба часто остается неизвестной.

Таких мучеников бесконечно много, и поэтому в 2000 году Юбилейный Архиерейский собор прославил Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской, известных поименно и неизвестных нам, но ведомых Богу. То есть мы прославили всех пострадавших за Христа, даже если мы их не знаем по именам.

Но вы правы, есть еще поименный список – это те, чья судьба точно известна, мы выявляем их в составе этого Собора новомучеников по именам. Этот процесс продолжается, и он будет продолжаться, надеюсь, и дальше.

Мы должны помнить, что это были бесчисленные жертвы: пострадали миллионы простых русских людей, верующих православных христиан. Это был самый настоящий геноцид православного русского народа.

И несмотря на это, при опросах во время переписи населения 1937 года больше половины граждан сказали о том, что считают себя верующими.

Да, это очень показательная цифра. Двадцать лет жесточайших, кровавых гонений, самый разгар ежовщины! И тем не менее народ объявляет себя православным! Как после этого можно говорить о том, что русский народ выбрал коммунизм?! Не выбирал он ничего!

Передышка, которой не было

С чем вы связываете поворот, который произошел в отношениях власти и Церкви в 1943–1944 годах?

Во-первых, тут был политический расчет. На оккупированных территориях немцы дали полную свободу верующим, и там сразу же открылось множество храмов. Немцы не препятствовали: пожалуйста, стройте, ремонтируйте, восстанавливайте. И после долгих лет гонений на Пасху весь народ пошел в храмы. А ведь к тому времени при советской власти храмов уже не было! До войны осталось, хотя я не назову точную цифру, но в общем порядка ста с небольшим церквей. На всей территории Советского Союза. Даже в самых крупных городах было по одному храму. И тут вдруг вся Украина, вся Белоруссия пошла в Церковь – и запели «Христос воскрес!». В Москве об этом стало известно, и Сталин понял, что нет смысла воевать со своим народом в такой тяжелый момент.

Во-вторых, перелом в войне был очевиден, и Сталин уже формировал свою новую внешнюю политику. Сейчас документально известно, что он всерьез, не понимая, видимо, эту проблему, хотел перенести в Москву вселенский престол, чтобы с помощью мировой системы православия распространить свое влияние на Европу, а может быть, и дальше. То есть был еще и геополитический расчет. При этом антицерковная позиция могла ему только мешать. Все эти доводы и склонили Сталина к тому, чтобы разрешить выборы патриарха, восстановить богословское образование, санкционировать выпуск «Журнала Московской патриархии». Тогда освободили епископов и священников из тюрем и лагерей, но не всех, а лишь малую их часть. Открыли некоторые храмы и даже монастыри...

Монастырей же вообще не было к этому времени!

Перед войной – ни одного: все были закрыты! Монастыри сохранились только на территориях, которые в 1939 году присоединили к СССР, то есть на Западной Украине, в Западной Белоруссии и в Прибалтике. Что говорить про предвоенный период, когда даже накануне перестройки в РСФСР было всего два монастыря – Троице-Сергиева лавра и Псково-Печерский монастырь. И все.

Так что это была передышка, но назвать ее началом возрождения Церкви никак нельзя. Когда закончилась война, политика снова изменилась, снова начались преследования верующих – опять тюрьмы, лагеря, расстрелы. В меньшей степени, чем до этого, но тем не менее. Вообще, по сравнению с

1937-м все кажется «в меньшей степени», потому что 1937–1938 годы – это были годы настоящего людоедства.

Почему, как вы считаете, в 1960-е годы, при Никите Хрущеве, начался новый виток гонений?

К сожалению, коммунизм как возник с богоборчества, так всю свою историю эту богоборческую энергию в себе и нес. Коммунисты ее не могли ни скрыть, ни спрятать, ни удержать в себе, и, как только у них появлялись силы, они снова эту энергию выпускали наружу. Вот и Хрущев, когда почувствовал власть в руках, стал поступать так же, как его предшественники.

Плюс еще уверенность в скором построении коммунизма подхлестывала к решительным действиям?

Конечно, коммунизм же планировалось построить к 1980 году. К этому времени Хрущев обещал «показать последнего попа по телевизору», потому что при коммунизме религии быть не должно. А раз не должно, значит, давайте опять закрывать храмы, арестовывать священников. Говорят, что тогда уже не было гонений. Еще как были! При Хрущеве примерно тысяча священников была арестована, закрылось множество храмов, вновь были упразднены почти все монастыри.

Поэтому, когда сейчас коммунисты утверждают, что коммунизм вполне может быть совместим с религией, давайте вспомним Ленина. Он же об этом прямо писал: пока, временно мы не можем разделаться с Церковью, но потом обязательно всю ее изведем. Так и сегодня: коммунисты говорят о том, что они могут быть православными, однако, если только дать им власть, понятно, как они ею воспользуются.

«Вегетарианское» время

Если можно, коснусь вашей личной биографии. Вы поступили в духовную семинарию в 1978 году, будучи выпускником физфака МГУ и кандидатом физико-математических наук. В 1979-м приняли священнический сан. Позднее брежневское время считают «вегетарианским». А на ваш взгляд, система действительно стала более мягкой и ее уже не в такой степени интересовало, какой духовный выбор делают люди?

Ну как же не интересовало?! Когда я получил благословение на принятие сана, мне мой духовный отец, протоиерей Всеволод Шпиллер, сказал: «Я тебя благословить могу и благословляю, но как тебе получить рукоположение – я не знаю».

То есть?

А так: по правилам, если не окончил семинарию, получить сан нельзя. Но и в семинарию поступить тоже было нельзя.

Почему?

Потому что в семинарию можно было поступить только лишь с какой-то церковной работы: нужно было сторожем или истопником в храме служить, или уборщиком – ну хоть кем-нибудь. А я работал в Академии наук, был кандидатом наук. Иду в храм, спрашиваю:

– Вам нужны истопники, сторожа?

– Да, нужны.

– Возьмите меня!

– А кто вы? Из Академии наук? Нет, мы не можем.

Ни в один храм меня не брали к себе на работу. Ни на какую. Потому что все приходские советы были под контролем райкомов и уполномоченных. Если они возьмут к себе кандидата наук на должность истопника или сторожа (а всем понятно, для чего, с какой целью ему это

нужно), им нагорит. И поэтому никто не решался этого сделать. Решился только староста патриаршего собора.

Богоявленского на Елоховской площади?

Да. Его звали Николай Семенович. Он не побоялся. И вот я стал алтарником Богоявленского собора. После этого мне нужно было подавать документы в семинарию. А ректор Московской духовной академии и семинарии архиепископ Владимир (Сабодан), будущий митрополит Киевский, был со старостой патриаршего собора из одной местности родом, и они были друзья. Он приезжал к нему в Елоховский собор. И в один из таких приездов староста замолвил за меня словечко. Владыка Владимир меня подозвал и сказал:

Подавайте ваши документы 31 июля в четыре часа. Имейте в виду, что если вы придете раньше, например без пятнадцати четыре, то вы не поступите, если придете позже, то уже документы у вас не возьмут.

Почему?

Потому что все документы, которые поступают от абитуриентов, отдаются в Совет по делам религий на проверку. Если ваши документы туда попадут, то вас не пропустят, и мы вас взять не сможем. Документы приезжают забирать из Совета по делам религий 31 июля. Но советские люди работают до пяти часов. Поэтому от нас, из Загорска [теперь Сергиев Посад. – «Историк»], они уезжают в четыре, чтобы в пять уже приехать в Москву и быть свободными. А у нас еще до пяти остается час, когда мы можем принимать документы. Если вы придете в это время, то мы отдадим ваши документы в Совет по делам религий уже не сможем. Но когда вы подадите их, сразу же уезжайте из дома и не появляйтесь там до тех пор, пока мы вас не зачислим.

Я так все и сделал. Документы подал, сдал все экзамены, возвратился домой, когда меня уже зачислили в семинарию. К этому моменту мой почтовый ящик был забит повестками в военкомат: меня вызывали на срочные сборы именно в то время, когда нужно было сдавать экзамены в семинарии. То есть владыка Владимир прекрасно знал, что даже в том

случае, если он спрячет мои документы от Совета по делам религий, найдутся люди, которые сообщат обо мне в соответствующие органы. Органы передадут сведения в военкомат, а уже военкомат постарается меня «изъять». Вот как это было. Так что можно ли говорить о свободе, об оттепели какой-то?

На этом все закончилось?

Нет. Когда я уже учился (казалось бы, все пройдено), меня вызвал старший инспектор семинарии архимандрит Александр (Тимофеев), ставший потом ректором Московской духовной академии и архиепископом, и сказал, что рукоположить меня все равно не смогут. Потому что все документы на рукоположение забирает на рассмотрение и проверяет Совет по делам религий, который меня все равно не пропустит.

Из-за того что вы научный работник? В этом причина?

Да. Именно поэтому. «Но вот есть, – объяснил мне отец Александр, – такой способ. Мы официально документы на рукоположение подаем в Московскую патриархию, а она уже их подает в Совет по делам религий, однако в Страстную и Пасхальную седмицы Московская патриархия не работает. Поэтому те документы, которые в это время будут поданы, в Совет по делам религий не уйдут. И мы за эти две недели сможем вас рукоположить. А потом задним числом вас придется все-таки проводить через Совет по делам религий, но вы уже будете рукоположены».

Так это все и было сделано. Но и после этого меня не назначали ни на одно штатное место. Никуда. Проходит месяц, другой – нет назначения. Совет не позволяет меня назначить служить.

Наконец через два месяца назначили. Но я служил без регистрации. В результате меня через пять месяцев выгнали из храма на улицу. Хотя у меня было четверо маленьких детей и не было никаких средств к существованию. Потом снова брали – и снова переводили.

Когда же можно было сказать, что гонения на Церковь закончились? Когда отношение изменилось окончательно?

Это случилось после празднования Тысячелетия Крещения Руси – в 1989–1990 годах.

То есть в последние годы Советского Союза.

Да.

«Христиане в принципе оптимисты»

А чем объяснить антиклерикализм, который сейчас существует в обществе, в том числе среди образованных людей?

Отчасти это проявление невежества, непонимания. С другой стороны, безусловно, особо рьяный клерикализм по законам диалектики вызывает в ответ антиклерикализм. И если клир ведет себя недолжным образом, то это неизбежно вызывает протест.

Но важно при этом понимать, откуда это. У нас после долгих десятилетий гонений на Церковь во время перестройки сказали: «Вот вам храмы – открывайте». И нужно было храмы эти брать и открывать: по опыту общения с властью считалось, что если сейчас не возьмешь, то потом могут не дать. Для служения в новых храмах нужны священники. А священников не было. И начали рукополагать всех подряд – у кого, как говорили, борода растет, понимаете? Так нельзя делать! Однако думали, что это очень важно: должны открыться сотни храмов – быстро-быстро-быстро давайте священников! И вот стали всех сторожей, всех истопников рукополагать. Так появилось множество священников, не имеющих духовного образования, без подготовки, непроверенных, тех, кто о священстве и не думал, не готовился к нему, не знал, что это такое. Поэтому бывает, что кто-то из них ведет себя непотребным образом и сейчас. И естественно, если священник не

соответствует тому призванию, которое является сутью его служения, это вызывает протест.

Священник не имеет права допускать какие-то вольности или нравственные нарушения, которые простому человеку как-то сходят с рук, – священнику этого нельзя. И народ это чувствует.

Но вы все-таки оптимист?

Христиане в принципе оптимисты. У нас есть такое замечательное древнее высказывание: «Не имеем зде пребывающего града, но грядущего взыскуем». Мы верим в Царство Божие и считаем, что смысл жизни человеческой именно в том, чтобы сподобиться вечной жизни с Богом. Эта жизнь, земная, не может быть райской, рай на земле – это как раз несбыточная мечта коммунистов, утопия. Мы же, православные христиане, не надеемся построить рай на земле, а стараемся служить Богу и людям, делая добро, научая людей вере в Бога, любви, милосердию. А тот, будущий рай – он существует и будет существовать независимо от того, что здесь, на земле, происходит.

Беседовал Владимир Рудаков